

венного регулирования, о способах обеспечения наилучшего баланса между выгодами и издержками государственного вмешательства в экономику.

Авторы пытаются объяснить природу экономических сил, вторгающихся в жизнь людей.

Немецкий учебник, переведённый на русский язык почти десять лет тому назад, и сегодня не потерял своего значения, не устарел морально. К нему, вполне, можно отнести рассуждение известных американских экономистов Роберта Хейлбронера и Лестера Туроу о судьбе учебников. В одной из своих работ они отметили, что «... качество учебника проверяется просто: сдаёт ли его студент в книжный магазин после того, как «прошёл» соответствующий предмет, или оставляет у себя – вдруг ему (или ей) когда-нибудь захочется заглянуть в эту книжку снова».

Учебник немецких преподавателей Х. Зайделя и Р. Теммена «Основы учения об экономике» никогда не сдавался студентами ни в один букинистический магазин в Беларуси.

В Германии, естественно, есть и другие книги по экономическим дисциплинам, которые полезно было бы перевести для белорусских студентов, преподавателей и просто читателей.

1. Макконнелл К.Р., Брю С.А. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. В 2-х т. Пер. с англ. М., 1992; Долан Э. Дис., Линдсей Д. Е. Рынок: микроэкономическая модель. СПб., 1992; Хейне Пол. Экономический образ мышления. - Пер. с англ. Издание второе, стереотипное. - М.: Изд-во «Дело» при участии Изд-ва «Catalax», 1992. - 704с; ил.
2. Эклунд Класс. Эффективная экономика – шведская модель: (Экономика для начинающих и не только для них. ...): Пер. со швед./ Авт. предисл. В.В. Попов, Н.П. Шмелев; Науч. ред. А.М. Волков. – М.: Экономика, 1991. - 349с.
3. Х. Зайдель, Р. Теммен. Основы учения об экономике. Пер. с нем. – М.: Дело ЛТА-1994. - 400с.
4. Пономаренко В.А., Галкин В.А. Информационное обеспечение преподавания политической экономии в ВУЗах. Л., 1983. - С.7.
5. Хейлбронер Р., Туруу А. Экономика для всех. Пер. с англ.-Новосибирск Экор, 1994. - С.4.

ТЕОДОР МОММЗЕН КАК ИДЕОЛОГ НЕМЕЦКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Л.В.Ахмерова-Ильина, С.В.Телепень

г. Мозырь, МГПУ

Вклад Теодора Моммзена (1817–1903) в мировое антиковедение известен широко. Это, пожалуй, самый выдающийся исследователь римской истории, за весь период ее изучения в новое и новейшее время. Однако Т.Моммзен не только кабинетный ученый, но и активный участник общественной жизни Германии середины-второй половины XIX в. Будучи представителем немецкого либерализма, он выступил в качестве признанного идеолога такового. В частности, идеи либерального обновления Германии накануне ее объединения были высказаны Т.Моммзеном в его основном труде «История Рима» (Т.1-3, 1854-1856 гг.). Труд этот стал классикой мировой романистики и вообще исторической мысли. Только в СССР и постсоветской России он переиздавался трижды. Последний раз – в 1997 г. (Ростов-на-Дону, изд. «Феникс», ссылки ниже по тексту даны по этому изданию). Однако труд «История Рима» довольно редко анализировался с точки зрения его политической программы. В большинстве случаев мы встречаем лишь краткие резюме, например, следующее: «Весь этот труд написан с целью доказать... возможность демократической монархии для Германии второй половины XIX в.»¹ Несколько шире трактуют личность и творчество Т.Моммзена его современники и ученики. Так, А.К. Дживелегов конкретизировал политические воззрения Т.Моммзена, отмечая, что учитель больше всего любил могущественную и сильную Германию и царство свободы в ней. Национализм и либерализм – два основных пункта его полити-

ческой программы². Правда, в дальнейшем этот национализм, направленный, прежде всего, против Франции и славян, был у Т.Моммзена все же смягчен³.

Видение Т.Моммзеном будущности Германии предстает следующим образом. Во-первых, это должно быть, несомненно, объединенное государство. Возможно, объединенное вооруженной рукой. Мысль об этом содержится в его оценке значения завоевания Римом Италии. Ученый пишет: «То, что обыкновенно называют завоеванием Италии римлянами, было скорее соединением в одно государство всего италийского племени, в котором римляне были лишь ветвью, хотя и самой могущественною» (Т.1, С.24). Причем объединение древней Италии, ассоциируемой автором с современной ему Германией, должно было произойти в борьбе не только с партикуляризмом территорий, долженствующих войти в состав унитарного государства, но и с общей для них внешней угрозой, в частности – в борьбе с галлами (Францией) (Т.1, С.416). На вопрос о том, каким образом должна была строиться «унитарная империя», Т.Моммзен отвечает, что «она нуждается еще в единстве тех учреждений, которыми движется общая жизнь нации, именно государственного строя и управления, религии и суда, монетной системы, системы мер и весов» (Т.3, С.501). Принципы государственного управления, которые Т.Моммзен пропагандирует своим трудом – это просвещенная, конституционная монархия, но ни в коем случае не самодержавие. Последнее порицается автором в той части труда, которая посвящена царской власти в древнейшем Риме: «Правовое ограничение царской власти заключалось в том, что царь был уполномочен только применять законы, а не изменять их, и что всякое уклонение от закона предварительно должно быть одобрено народным собранием и советом старейшин... Стало быть, и в нравственном отношении, и в юридическом римская царская власть была в самом своем основании отлична от телерешного самодержавия» (Т.1, С.80-81). В приведенных словах ученого содержится не только проходящая через весь труд мысль о законности как принципе совершенного государства. Здесь же содержится неизбывная либеральная идеология о разделении ветвей власти. Однако и ограниченная функция исполнительной власти, т.е. конституционная монархия – это еще не панацея от опасностей государственного произвола. И на это указывает Т.Моммзен (Т.1, С.93-94). Необходимо, чтобы данная исполнительная власть была в полной мере подчинена народному суверенитету. «В том-то и заключается величие Рима, – пишет Т.Моммзен, – что в нем народ сам себе создал, и сам на себе вынес такое законодательство, в котором господствовали и до сих пор еще господствуют без всякого искажения и без всякого смягчения вечные принципы свободы и независимости, собственности и законности» (Т.1, С.167). Причем принцип народного суверенитета господствует над всеми ветвями власти, включая представительные учреждения. У Т.Моммзена читаем: «При помощи сената римскому народу больше других народов удавалось осуществлять самое великое из всех человеческих творений – мудрое и успешное самоуправление» (Т.1, С.315). Отметим, что ученый, как представитель бытия последовательного либерализма, был последователен в своем понимании механизмов реализации принципа народного суверенитета. Подлинная демократия для Т.Моммзена возможна лишь при условии наличия законно избранного парламента. На данное понимание указывают слова: «Правда, античность не была в состоянии... предложить представительную систему правления и другие великие принципы нашей современной государственной жизни» (Т.2, С.582).

Т.Моммзен как ученый и политик-идеалист не чужд романтическим представлениям о своем времени. Это обнаруживается уже в самих методологических основаниях «Истории Рима», которые характеризуются приверженностью ученого теориям культурных крутов и органического развития (Т.1, С.22). Поэтому закономерно, что успех либеральных преобразований конституционной монархии Т.Моммзен ставит в зависимость от того, насколько эта монархия является просвещенной. Отсюда его притягивает в отношении Цезаря и его преобразований. Цезарю Т.Моммзен «позволяет» даже известное ограничение народного суверенитета. Его власть автор характеризует: «Эта монархия не была восточной деспотией милостью божий, а такой монархией, какую хотел основать Гай Грах и какую основали Перика и Кромвель, т.е. представительством народа в лице его доверенного, облеченного

высшей и неограниченной властью» (Г.3, С.426). Здесь, пожалуй, наиболее слабое место политической концепции Т.Моммзена. Признание допустимости для истинно просвещенного монарха быть «облеченным высшей и неограниченной властью», пусть даже в интересах и по воле народа, противоречит доминирующей на страницах «Истории Рима» идее о необходимости верховенства закона над учреждениями и личностями. И ситуацию не выравнивает даже реплика Т.Моммзена: «Что касается законодательства, то в этом отношении демократический монарх твердо держался древнего положения римского государственного права, в силу которого один только народ, вместе с созвавшим его царем, мог разрешать общественные дела, и всегда подкреплял свои важнейшие постановления народным голосованием» (Г.3, С.436). Подобная оговорка на предмет механизма легитимации установлений Цезаря — монарха, через систему голосования в народном собрании (т.е. в комициях) заметно противоречит оценке ученым этого учреждения как выразителя государственной мысли и народной воли касаясь периода поздней республики в Риме: «Достаточным злом было уже то, что к заржавевшей машине комиций прибегали при выборах и при издании законов. Но когда этим народным массам, сначала в комициях, а затем фактически и на простых сходках (contiones), позволили вмешиваться в дела управления и вырвали из рук сената оружие, служившее защитой от такого вмешательства... — это было не началом народной свободы, а ее концом» (Г.2, С.343).

Незвизрая на свои руссоистские иллюзии насчет монархии Цезаря, для личности которого Т.Моммзен делает единственное исключение из правила о верховенстве закона, ученый все же держится последовательно либеральной оценки крайностей революционного движения, его целей и перспектив. Он пишет: «Римская партия популяров все сильнее склонялась от реформы к революции, от революции к анархии, от анархии к войне против собственности» (Г.3, С.420): «Против такого сброда, — читаем у Т.Моммзена, — которому нет дела ни до каких политических вопросов, но которого занимает единственно борьба против собственности, достаточно, как и против разбойничьих шаек, уже самого существования сильного правительства; и Цезарь был слишком велик и слишком благоразумен, для того чтобы спекулировать на том страхе, которым трусливые люди в Италии были проникнуты перед этими коммунистами того времени» (Г.3, С.421).

Однако для участника революционных событий 1848 г., каким был Т.Моммзен, было бы противоестественно видеть исключительно в черном цвете радикальные формы достижения политических целей. Ведь «конституционная монархия» Цезаря — это в свою очередь и в немалой степени результат революционных действий. Поэтому Т.Моммзен позволяет себе заявить: «Кто призывает одну силу в государстве к борьбе против другой, тот, конечно, является революционером, но, возможно, вместе с тем и проницательным государственным мужем, заслуживающим всякой похвалы» (Г.2, С.342). И этот подход ученого и политика закономерен, если исходить из видения им сущности римского «юнкерства», т.е. римской аристократии, препятствовавшей преобразованиям, как самого Цезаря, так и его предшественников в деле построения образцового «либерального» государства. Например, это отношение просматривается в оценке действий знати в условиях суданской реакции: «Чем больше насилия и жестокости проявляла в борьбе с партией противников, тем больше был почет ему; настолько аристократу прощались все преступления и все позорные деяния... К сожалению, было вполне понятно, что если старая аристократия бичевала народ плетью, то реставрированная аристократия припасла для него скорпионов» (Г.2, С.3).

Закономерно отношение ученого к проблеме собственности. Оно лежит в поле либерально-демократической идеологии с ее традициями сакрализации частной собственности и частной жизни. Так Т.Моммзен пишет: «В Риме — не так, как в ликурговском полицейском государстве, семейство не уничтожалось, для того чтобы за его счет возвысилась община. То было одним из самых бесспорных и самых замечательных принципов древнейшего римского государственного устройства, что государство могло заковать и казнить гражданина, но не могло отнять у него ни сына, ни пахотной земли» (Г.1, С.94).

Наконец, говоря о либерализме взглядов Т.Моммзена, все же нельзя забывать, что он представляет немецкую мысль, проникнутую духом гегельянства. Поэтому его либерализм неотделим от немецкого государственничества. Ученый с одобрением говорит: «Сущность же римского духа выражалась в том, что он держал сына в страхе перед отцом, гражданина — в страхе перед его повелителем, а всех их — в страхе перед богом; он ничего не требовал и ничего не уважал, кроме полезной деятельности, и заставляя каждого гражданина наполнять каждое мгновение короткой жизни неусыпным трудом... Для него государство было все, а расширение государства было единственным незапретным высоким стремлением» (Т.1, С.41).

Таким образом, чаяния немецких либералов кануна объединения страны «железом и кровью» нашли подтверждение и, в силу авторитета Т.Моммзена, санкцию в его основном труде. Противоречивость этих программных установок очевидна. Однако это не отменяет того обстоятельства, что выдающийся труд явился также примером актуализации антиковедческого знания в целях насущных поисков решения масштабной задачи, стоявшей перед Германией в середине XIX в. Эта задача не ограничивалась простым объединением страны. Одновременно должно было стать укоренение в Германии либеральных принципов общественного бытия. Германия должна была стать правовым государством, основывающимся вместе с тем на ценностях немецкого национального духа.

1. Лисовий И.А., Ревяко К.А. Англичский мир в терминах, именах и названиях. Мн., 1997—С.147.

2. Дунявельтов А.К. Теодор Моммзен как историк и политик // Вестник Европы — 1904 — №10 — С.630.

3. Там же. С.636.

ЭРНСТ ТРЕЛЬЧ: ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г.А. Милаш

г. Мозырь, МГПУ

Имя Эрнста Трельча (1865 — 1923), выдающегося немецкого философа и теолога, автора трудов по социологии религии и философии истории, уже прочно вошло в анналы культурологической мысли. В 1916 году им была написана статья «Метафизический и религиозный дух немецкой культуры». На русском языке эта работа была опубликована лишь в 1995 году.

В разгар первой мировой войны Э. Трельч обращается к тому духовному фундаменту, на котором основывается немецкая культура, а именно — к его метафизической и религиозной сущности. Он отмечает: «Немцы по своей природе метафизики и мыслители, стремящиеся изнутри, из духовной глубины универсума понять сущность мира и вещей, людей и судеб» [1, 542]. Эта черта представляется ему исключительной особенностью и «последней тайной жизни» немцев.

Автор статьи противопоставляет немецкую ментальность английской и французской. В отличие от англичан, немцы в меньшей степени ограничивают свой духовный мир чувств семьей и родиной. Их духовный мир распространяется на все их видение жизни и мира, реализуется в искусстве, поэзии, во всевозможных суждениях о людях. К наиболее верным выразителям духа немецкого народа Э. Трельч относит Жана Поля Адальберта Штифтера, Вильгельма Раабе, Фрица Рейтера, Виллибальда Алексиса. Сравнивая их менталитет и духовный мир Джорджа Элиота, Диккенса, Золя, философ приходит к выводам о разнице в характере народов. Это различие распространяется и на религию. Религиозность немецкого духа, по мнению Трельча, занимает первое место в немецком характере. Такие, казалось бы, взаимоисключающие черты, как склонность к порядку и душевность, на самом деле проистекают из одного общего источника, в котором они образуют внутреннее единство — это немецкий метафизико-религиозный дух. Однако немецкая склонность к порядку, основана не на пользе в достижении материальных и социальных целей, она формируется вместе с чувством долга из «идеального представления о сущности духа, упорядоченности и закона, как в жизни человека, так и в универсуме» [1, 542].

Э. Трельч подчеркивает, что в основе государственного управления и хозяйства Германии лежит особенная склонность к порядку, строгой дисциплине и чувству